

Хозяйка лавки привела троих посетителей к двери в глубине северной части помещения и выудила из-за пазухи изящный ключик.

Цзи Юэлин, заметив этот ключ, на мгновение замерла. Он был меньше обычных, куда более тонкой работы, и висел на шее у женщины как кулон — было видно, что хозяйка очень дорожит этой вещью.

Раздался щелчок, замок поддался. Хозяйка отступила в сторону и почтительно пригласила войти:

— Вещь внутри, госпожа. Как войдете — сразу увидите.

Цзи Юэлин слегка кивнула. Стоя перед резной деревянной дверью, она вдруг ощутила странное волнение, словно путник, возвращающийся домой после долгой разлуки. В отличие от нервозности Цзинь И, Цзи Юэлин лишь прижала руку к груди. Ее шаги были тяжелыми: она предчувствовала, что то, что скрыто за дверью, неразрывно связано с человеком, о котором она не переставала думать ни на миг.

Жуань Сихэ шагнула вперед:

— Госпожа, позвольте мне войти первой и осмотреться.

Цзи Юэлин покачала головой и коснулась пальцами резного дерева:

— Ждите снаружи. Я войду одна.

— Госпожа! — попыталась возразить Цзинь И, но Жуань Сихэ удержала ее.

Она знала: Цзи Юэлин уже все решила. Они выросли вместе, и Жуань Сихэ слишком хорошо понимала, что спорить бесполезно.

Цзи Юэлин вошла в комнату в одиночестве.

Внутри стоял лишь один большой длинный стол, даже стульев не было. Взгляд сразу падал на груды рисовой бумаги, разложенные на столе — неровные, хаотичные, в огромном количестве. Некоторые листы были гладкими, другие — измятыми.

На лице Цзи Юэлин не дрогнул ни один мускул. Она молча взяла один лист, положила, взяла другой. И так повторялось снова и снова.

Разные наряды, разные выражения лиц: в простых одеждах и в доспехах, с мечом и с книгой, сидящая, смеющаяся, смущенная или разгневанная — везде была она, одна и та же женщина. На некоторых листах были размашистые строки, написанные в порыве чувств, без всякого порядка, неистово и с нажимом — совсем не в стиле той, кто их писал.

Но Цзи Юэлин точно знала, чья это рука.

Что переживала Юнь Шичэнь в те мрачные дни? Какая сила воли заставляла ее прогонять прочь того, кого она любила?

В тот миг, когда кинжал оцарапал белоснежную кожу на шее Юнь Шичэнь, в голове у Цзи Юэлин помутилось. Оцепенение, беспомощность, полный крах — она не помнила, как подчиненные уводили ее оттуда.

Была ли ненависть? Конечно. Она ненавидела ее решимость и еще больше — собственную неспособность что-либо изменить.

Здесь были только портреты Цзи Юэлин. Само ее имя встречалось так часто, что невозможно было сосчитать. Каждая черточка, казалось, пронзала бумагу насквозь, причиняя боль сильнее, чем предсмертная записка, написанная кровью. Сердце Цзи Юэлин разрывалось на части. Прежде чем слезы хлынули из глаз, она захлопнула дверь, отрезая себя от Жуань Сихэ и остальных.

А потом разрыдалась.

Лишь спустя долгое время она нашла в себе силы снова подойти к столу.

Жуань Сихэ и Цзинь И ждали у двери так долго, что уже начали сходить с ума от беспокойства, но не решались поторопить. Перед тем как дверь закрылась, они отчетливо видели, что госпожа была на грани слез. Цзинь И не знала, доводилось ли Жуань Сихэ видеть госпожу плачущей, но сама она — никогда.

Хозяйка, видимо, предвидела, что Цзи Юэлин не выйдет быстро, поэтому заранее велела им сообщить, когда та закончит, и занялась своими делами.

Никто не заметил, когда перестал идти дождь. Сихэ знала лишь то, что прошло несколько часов, прежде чем Цзи Юэлин наконец вышла, сжимая в руках охапку бумаг.

Цзинь И украдкой взглянула на лицо госпожи. Было видно, что она плакала. Жаль, что увидеть красавицу в слезах не довелось, но сейчас перед ними стояла та, чей вид вызывал лишь жалость и сострадание.

Сердце сжималось от боли, но в то же время охватывало изумление. Любовь — поистине невероятная вещь. Великая основательница династии, привыкшая вершить судьбы империи, перед лицом любви становилась такой беззащитной.

Цзи Юэлин, уже взявшая себя в руки, конечно, заметила взгляд Цзинь И. Она прекрасно понимала, как выглядит, и от смущения вспыхнула:

— Сихэ, приструни свою жену! Сама уже замужем, а все паясничает на чужих женщин, совсем стыд потеряла!

Жуань Сихэ: «...»

Цзинь И: «!!!»

Жуань Сихэ лишь беспомощно вздохнула: где уж ей приструнить Цзинь И? Скорее, это Цзинь И вертела ею как хотела.

Цзинь И была уверена, что крадется незаметно. Как эта Цзи Юэлин вообще умудрилась заметить?

Жуань Сихэ поспешила сменить тему и передала слова хозяйки.

— Понятно. — Цзи Юэлин уже осознала, что значила эта лавка для той женщины. Она отдала связку бумаг Жуань Сихэ: — Береги, не намочи. Уходим.

Сейчас она хотела только одного — быстрее добраться до цели.

Жуань Сихэ вышла, нагруженная свертками. Цзинь И то и дело оглядывалась: она не знала, что именно госпожа сказала хозяйке, но та стояла, закрыв лицо руками, и горько плакала.

Когда они покинули улицу Синьси, Жуань Сихэ уже ждала их с лошадьми. Цзи Юэлин подхватила поводья и вскочила в седло.

— Поехали.

Они скакали под звездами, не зная усталости. В их с Жуань Сихэ военной жизни это было пустяком, но когда Сихэ тихо окликнула ее, Цзи Юэлин резко обернулась и увидела, что лицо Цзинь И стало мертвенно-бледным.

Цзи Юэлин осадил коня. В ее голосе, полном досады, слышалось самобичевание:

— Почему не сказала раньше?

Цзинь И совсем выбилась из сил и тяжело дышала. Жуань Сихэ поспешно соскочила с коня и бережно сняла ее.

Цзинь И указала на Цзи Юэлин, не в силах вымолвить ни слова. Она хотела выругаться, но не могла, поэтому с досады легонько стукнула Жуань Сихэ и указала на термос, притороченный к седлу.

Цзи Юэлин: «...»

Ну зачем так переживать? Лекарство ведь горькое.

— Я же сказала, что уже поправилась... — под суровым взглядом Цзинь И голос Цзи Юэлин становился все тише.

Она вдруг подумала: постойте, кто здесь вообще госпожа? Чего она боится?

Цзи Юэлин вскинула голову и приняла независимый вид:

— Посмотри, какая я бодрая! Совсем не то, что ты, слабачка!

Жуань Сихэ помогала Цзинь И отдышаться. Наконец та пришла в себя и прошипела:

— Пей давай!

— Ладно, — буркнула Цзи Юэлин.

Она послушно подошла к лошади Цзинь И, взяла термос и выпила лекарство. Цзинь И злилась не на свою усталость, а на то, что Цзи Юэлин, не долечившись, гнала коней, ни капли не заботясь о своем теле.

Вокруг не было ни деревни, ни постоянного двора, поэтому пришлось заночевать под открытым небом.

На следующее утро они продолжили путь и к полудню добрались до пристани — входа в Чжунъяньюнь.

Увидев двухпалубный корабль, Цзи Юэлин не нашла, что сказать. Она знала, что на Лу Цзе нельзя положиться! Этот пират, даже встав на путь исправления, не избавился от привычки пускать пыль в глаза. Они же сказали — всего три человека, зачем понадобилось такое огромное и вычурное судно?

— А-Лин! А-Лин! — закричали с палубы.

На них махали руками знакомые лица. Это были Лу Цзе, бывший гроза Северного и Восточного морей, и его верные товарищи — люди, с которыми Цзи Юэлин делила и жизнь, и смерть. Хорошие люди, но порой невыносимо шумные.

Цзи Юэлин устало потерла лоб. Лу Цзе спрыгнул с корабля, быстро подошел к ней, упер руки в бока и расплылся в улыбке, от которой глаза засияли:

— Давно не виделись! Подеремся?

— Нет! — отрезала Цзи Юэлин.

Лу Цзе не понимал слова нет и скалился, как разбойник. Впрочем, он и был разбойником.

Едва он потянулся к кривой сабле за спиной, как из-за его спины вылетела длинная нога и точно приземлилась ему под зад.

— Твою ж мать! Проклятая баба! Я же предупреждал — не пинай меня под зад! — Лу Цзе отлетел в сторону. Позади него стояла высокая женщина с яркой, вызывающей внешностью. Она брезгливо поморщилась: — Собака не отучится есть дерьмо. Уже командуешь морским флотом, а все только и знаешь, что махать кулаками. Грубиян, он и есть грубиян.

Лу Цзе с лязгом выхватил саблю, переключившись на женщину.

Та продолжала с пренебрежением:

— Еще раз дернешься — скажу Лу Ин, что ты обижаешь А-Лин.

Бывший пират, души не чаявший в младшей сестре, мгновенно сник. Убирая саблю, он проворчал:

— Ты же взрослая женщина, не стыдно? Нельзя же так ябедничать.

Разобравшись с Лу Цзе, женщина повернулась к Цзи Юэлин, и ее лицо вмиг преобразилось — она ослепительно улыбнулась. Она кокетливо поправила челку — движение, отработанное до автоматизма.

— А-Лин, я так скучала!

Она бросилась было обниматься, но Цзи Юэлин ловко увернулась.

— Хань Сюэчэнь! Не приближайся ко мне!

Если Лу Цзе был грубияном, то Хань Сюэчэнь — бесстыдной развратницей. Все ее мысли были о том, как бы к кому-нибудь прильнуть. И Цзи Юэлин, и Юнь Шичэнь не раз страдали от ее выходок. Защищаться от нее у Цзи Юэлин стало условным рефлексом.

Хань Сюэчэнь сделала скорбное лицо:

— Мы так долго не виделись, а ты такая холодная. Ты что, больше меня не любишь?

Она всхлипнула, но за все время из ее глаз не упало ни слезинки.

— Прости, я никогда тебя не любила. Не выдумывай, спасибо, — безжалостно разоблачила ее Цзи Юэлин.

Жуань Сихэ, которая всегда была рядом с Цзи Юэлин, хорошо знала этих людей и, наблюдая за их перепалкой, не могла сдержать улыбки. Только в кругу настоящих друзей Цзи Юэлин позволяла себе быть самой собой.

Цзи Юэлин бросила на нее холодный взгляд, издала сухой смешок и равнодушно посмотрела на Цзинь И.

Жуань Сихэ: «!!!»

Она поспешно обняла Цзинь И и отступила на шаг.

Хань Сюэчэнь: «??!»

Она ведь даже руки не успела протянуть, к чему такая осторожность? А жаль, эта милашка выглядела такой мягкой, наверняка на ощупь была приятной.

Она указала на Жуань Сихэ, потом на Цзинь И и спросила Цзи Юэлин:

— У них что, шашни?

Жуань Сихэ и Цзинь И: «...»

«Шашни»? Неужели нельзя выразиться приличнее?

Цзи Юэлин кивнула и вздохнула:

— Да. Теперь ты не сможешь называть ее вечной одиночкой.

Колесо фортуны повернулось: та, кто раньше сама кормила других «собачьим кормом» (одиночеством), и подумать не могла, что теперь сама будет по горло сыта чужим счастьем.

— Ладно, хватит болтать. Вы проделали долгий путь, на корабле уже накрыт стол, будем праздновать встречу.

Хань Сюэчэнь, не слушая возражений, обняла Цзи Юэлин за плечи и потащила на корабль. Лу Цзе, потирая ушибленный зад, словно и не собирался минуту назад ни с кем драться, радостно семенил следом:

— А-Лин, мы знали, что ты приедешь, сестренка только о тебе и говорит...

Цзинь И стояла с открытым ртом. Эти двое были просто бесстрашны — неужели они не знали, кто такая Цзи Юэлин?

Жуань Сихэ похлопала ее по плечу, призывая к спокойствию. Мир велик, и в нем есть место всему. Некоторые люди сходятся по зову сердца, не обращая внимания на статус или положение, без лишних формальностей.

Внутри корабль был украшен так, словно это был увеселительный дом — не иначе, как постаралась Хань Сюэчэнь. У входа их ждала хрупкая фигурка. Кто бы мог подумать, что у такого грубияна, как Лу Цзе, есть такая утонченная и тихая сестра?

Увидев Цзи Юэлин, Лу Ин мягко улыбнулась:

— А-Лин... сколько лет прошло, я так скучала.

В ее голосе слышались радость и легкая грусть.

— Ты похудела.

Три года назад, когда ее брат отправился в столицу, чтобы получить титул, она не смогла поехать с ним. Если посчитать, они действительно не виделись много лет. Цзи Юэлин не просто похудела — в ней появилась какая-то новая, глубокая уверенность.

За столом из красного дерева, уставленным изысканными яствами, друзья, воссоединившиеся после долгой разлуки, вели оживленные беседы. Цзи Юэлин, чьи мысли были заняты завтрашним походом в Чжунъяньюнь, лишь слегка пригубила вино, не позволяя себе захмелеть.

Когда наступила ночь, сквозь облака пробился призрачный свет. Луна сияла среди редких звезд. Цзи Юэлин, накинув на плечи шаль, вышла на палубу. Две звезды в небе горели особенно ярко. Она задержала на них взгляд, а затем посмотрела в сторону Чжунъяньюнь — там по-прежнему клубился густой туман, скрывая все от глаз.

Это было самое загадочное место на свете, полное вещей, не поддающихся объяснению. Цзи Юэлин не собиралась открывать Чжунъяньюнь для всех. У нее были свои причины. Тот рассказчик был прав: если есть желание, весь мир может стать Чжунъяньюнь.

Поэтому настоящий Чжунъяньюнь станет ее пристанищем, тихой гаванью, принадлежащей только им двоим.

Там, где все началось, все должно и закончиться.